

Б. БАЖАНОВ

Воспоминания бывшего секретаря Сталина

<Фрагменты>

<...>

Но до конца года в борьбе против Троцкого внешне наступило некоторое затишье. Летом была засуха, урожай был очень плохой. В августе произошло восстание в Грузии¹. В Политбюро шли споры о политике по отношению к крестьянству. Строго говоря Политбюро не знало, какую политику по отношению к крестьянству принять. Политбюро хотело вступить на путь индустриализации страны. За какой счёт её производить; то есть за счёт кого? (Постановка вопроса классически большевистская: чтобы что-то сделать, надо кого-то ограбить.) Ортодоксальные коммунисты во главе с Преображенским предлагали произвести «первоначальное социалистическое накопление» за счёт крестьянства. Политбюро колебалось. Обсуждение проблемы на пленуме ЦК в конце октября ничего не дало, несмотря на принятие пышных деклараций о повороте «лицом к деревне». Захватить в свои руки деревню при помощи коллективизации, согнав крестьян в колхозы? Тут вспомнили, что ещё недавно, в одной из своих последних статей, в статье «О кооперации», продиктованной 4 и 6 января 1923 года и опубликованной в «Правде» в конце мая, Ленин поставил вопрос о колхозах, но имел в виду только добровольное создание колхозов, и на пленуме ЦК 26 июня 1923 года этот вопрос обсуждался и ленинская директива была принята. Но Зиновьев и Каменев особенных результатов в это время ни от совхозов, ни от колхозов не ожидали, а Сталин вообще по этому поводу ещё никакого мнения не имел.

Но в конце года центр внимания партийной жизни вдруг неожиданно опять перешёл на борьбу с Троцким. Сталин от своей

идеи использовать Троцкого против союзников отказался. А Троцкий написал книгу «1917», в предисловии к которой, названном «Уроки Октября», он энергично атаковал Зиновьева и Каменева, доказывая, что их поведение в октябре 1917 года (когда они, как известно, были против октябрьского вооружённого переворота) было отнюдь не случайно и что эти люди ни в какой мере не обладают качествами вождей революции. Эти «Уроки Октября» Троцкий опубликовал статьёй в газетах. После этого Зиновьев и Каменев предложили снова мир и союз Сталину. Сталин поспешил согласиться, и тройка опять на время восстановилась. Кстати, в это время у Сталина произошёл некоторый кризис — неуверенности в своих силах. Он увидел, что сделал ряд промахов, перенося бой на линию политической стратегии, где он был слаб; подействовало на него и восстание в Грузии, бывшее явным результатом его грузинской национальной политики. Тут Сталин убедился, что не по линии большой политики (а как быть с деревней?) победит он соперников, а по вполне верной и испытанной линии подбора своих людей и захвата большинства в Центральном Комитете; а пока это не будет сделано, маневрировать и тянуть.

Наоборот, Зиновьев в тройке яростно требовал окончательного свержения Троцкого. В январе 1925 года произошёл пленум ЦК, на котором Зиновьев и Каменев предложили исключить Троцкого из партии. Сталин выступил против этого предложения, разыгрывая роль миротворца.

Сталин уговаривал пленум не только не исключать Троцкого из партии, но поставить его и членом ЦК, и членом Политбюро. Правда, выступления и политические позиции Троцкого были осуждены. Но, главное, наступил момент, чтобы удалить его от Красной Армии. Замена ему была давно подготовлена в лице его заместителя Фрунзе. Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого Наркомвоенном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем.

Ворошилов после гражданской войны не без противодействия Троцкого был назначен командующим второстепенным Северо-Кавказским военным округом, но Сталин неуклонно следил за его выдвижением, и в результате последних реорганизаций военного ведомства в этот год он уже был командующим одним из самых важных военных округов — Московским. Сталин предложил

пленуму, чтобы, оставляя Троцкого членом ЦК и Политбюро, ему одновременно было сделано предупреждение — «если он будет продолжать свою фракционную деятельность, то тогда он будет из Политбюро и из ЦК удалён». Сняв его с поста Наркомвоена, пленум назначил его председателем Главконцесскома и председателем особого совещания при ВСНХ по качеству продукции.

Назначения эти были и провокационны, и комичны. Во главе Главконцесскома Троцкий должен был обсуждать с западными капиталистами проекты предлагаемых им промышленных концессий внутри СССР. Между тем в Политбюро давно известно и для себя твёрдо установлено, что концессии эти были ничем иным, как грубыми жульническими ловушками. Западным капиталистам предлагались концессии на очень заманчиво выглядевших и внешне очень выгодных условиях. Условия договора хорошо соблюдались, пока концессионер ввозил и устанавливал в России машины, оборудование и пускал предприятие в ход. Вслед за тем при помощи любого трюка (каковых трюков у властей было сколько угодно) концессионер ставился в условия, при которых он договор выполнить не мог, договор расторгался, навезенное оборудование и налаженное предприятие переходило в собственность советского государства (я дальше расскажу подробно об одном из таких фокусов с Лена Гольдфильдс, потому что эта история имела неожиданные и забавные последствия). Собственно, для этого трюк с концессиями и был создан. Троцкий мало подходил для этих мошеннических операций — поэтому, вероятно, его туда и назначили.

Ещё меньше он подходил для наблюдения за качеством продукции советских заводов. Блестящий оратор и полемист, трибун трудных переломных моментов, он был смещен в качестве наблюдателя за качеством советских штанов и гвоздей. Впрочем, он сделал попытку добросовестно выполнить и эту задачу возложенную на него партией; создал комиссию специалистов, объехал с ней ряд заводов и представил результаты изучения Высшему Совету Народного Хозяйства; заключения его никаких последствий, понятно, не имели.

Во главе военного ведомства встал Фрунзе. Надо сказать, что ещё в мае 1924 года были добавлены три кандидата в члены Политбюро: Фрунзе, Сокольников и Дзержинский.

Старый революционер, видный командир гражданской войны, Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкну-

тый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами.

Уже в 1924 году, как председатель комиссии ЦК по обследованию состояния Красной Армии, он доложил в Политбюро, что Красная Армия в настоящем своём виде совершенно небоеспособна, представляет скорее распущенную банду разбойников, чем армию, и что её надо всю распустить. Это и было проделано, к тому же в чрезвычайном секрете. Оставлены были только кадры — офицерские и унтер-офицерские. И новая армия была создана осенью из призванной крестьянской молодёжи. Практически в течение всего 1924 года у СССР не было армии; кажется, Запад этого не знал.

Второе глубокое изменение, которое произвёл Фрунзе, — он добился упразднения института политических комиссаров в армии; они были заменены помощниками командиров по политической части с функциями политической пропаганды и без права вмешиваться в командные решения². В 1925 году Фрунзе дополнил всё это перемещениями и назначениями, которые привели к тому, что во главе военных округов, корпусов и дивизий оказались хорошие и способные военные, подобранные по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности.

Я был уже в то время скрытым антикоммунистом. Глядя на списки высшего командного состава, которые провёл Фрунзе, я ставил себе вопрос: «Если бы я был на его месте, такой как я есть, антикоммунист, какие кадры привёл бы я в военную верхушку?» И я должен был себе ответить: «именно эти». Это были кадры, вполне подходившие для Государственного переворота в случае войны. Конечно, внешне это выглядело и так, что это были очень хорошие военные.

Я не имел случая говорить со Сталиным по этому поводу, да и не имел ни малейшего желания привлечь его внимание к этому вопросу. Но при случае я спросил у Мехлиса, приходилось ли ему слышать мнение Сталина о новых военных назначениях. Я делал при этом невинный вид: «Сталин всегда так интересуется военными делами». — «Что думает Сталин? — спросил Мехлис. — Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборовичи, авксентьевские — какие это коммунисты. Всё это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии».

Я поинтересовался: «Это ты от себя или это — сталинское мнение?» Мехлис надулся и с важностью ответил: «Конечно, и его, и моё».

Между тем Сталин вёл себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно. Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений. Что бы это могло значить? Не было ли это повторением истории с Углановым (о которой я расскажу дальше); то есть Сталин делает вид, что против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева. Но это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал ещё от времени дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье. «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от его язвы. К тому же врачи Фрунзе операцию опасной отнюдь не считали.

Я посмотрел иначе на всё это, когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убеждённая в том, что его зарезали, покончила с собой. Общеизвестна «Повесть о непогашенной луне», которую написал по этому поводу Пильняк. Эта повесть ему стоила дорого.

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял моё ощущение что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в своё время.

Троцкий в своей книге «Сталин» категорически отрицает мою догадку о Фрунзе, но Троцкий искажает мою мысль. Он приписывает мне утверждение, что Фрунзе стоял во главе военного заговора. Я никогда ничего подобного не писал (тем более, что совершенно очевидно, что никакие заговоры в это время в совет-

ской России не были возможны). Я писал, что Фрунзе, по-моему, изжил свой коммунизм, стал до мозга костей военным и ожидал своего часа. Ни о каком заговоре здесь нет речи.

Но едва ли стоит по этому поводу спорить с Троцким — он отличался поразительным непониманием людей и поразительной наивностью. Дальше, говоря о нём, я приведу относящиеся сюда факты.

Конечно, после смерти Фрунзе руководить Красной Армией был посажен Ворошилов. После XIV съезда в январе 1926 года он стал и членом Политбюро. Это был очень посредственный персонаж, который ещё во время гражданской войны пристал к Сталину и всегда поддерживал Сталина во время бунта сталинской вольницы против твёрдой организаторской руки Троцкого. Его крайняя ограниченность была в партии общеизвестна. Слушатели исторического отделения Института Красной профессуры острили: «Вся мировая история разделяется на два резко ограниченных периода: до Климентия Ефремовича — и после». Он был всегда послушным и исполнительным подручным Сталина и служил ещё некоторое время для декорации и после сталинской смерти.

Вся сталинская военная группа времён гражданской войны пошла вверх. В ней трудно найти какого-либо способного военного. Но уже умело оркестрированная пропаганда некоторых из них произвела в знаменитости, например, Будённого.

Это был очень живописный персонаж. Типичный вахмистр царской армии, хороший кавалерист и рубака, он оказался в начале гражданской войны во главе кавалерийской банды, сражавшейся против белых. Во главе — формально — манипулировали бандой несколько коммунистов. Банда разрасталась, одерживала успехи — конница была танками этих годов. В какой-то момент Москва, делавшая ставку на конницу, занялась вплотную Будённым.

Троцкий в это время бросил лозунг «Пролетарий, на коня!», звучавший довольно комично своей напыщенностью и нереальностью. Дело в том, что хорошую конницу делали люди степей — прирождённые кавалеристы, как, например, казаки. Можно ещё было посадить на коня крестьянина, который, не будучи кавалеристом, всё же лошадь знал, привык к ней и умел с ней обращаться. Но городской рабочий («пролетариат») на коне был никуда. Лозунг Троцкого звучал смешно.

В какой-то момент Будённый в знак внимания получил из Москвы подарок: автомобиль и партийный билет. Несколько встре-

воженный Будённый созвал главарей своей банды. «Вот, братва, — доложил он, — прислали мне из Москвы автомобиль и вот это». Тут бережно, как хрупкую китайскую вазочку, положил он на стол партийный билет. Братва призадумалась, но по зрелом размышлении решила: «Автомобиль, Семён, бери; автомобиль — это хорошо. А “это” (партбилет), знаешь, хай лежить: он хлеба не просит». Так Будённый стал коммунистом.

Банда Будённого скоро разрослась в бригаду, потом в конный корпус. Москва дала ему комиссаров и хорошего начальника штаба. Повышаясь в чинах и будучи командующим, Будённый в операционные дела и в командование не вмешивался. Когда штаб спрашивал его мнение по поводу задуманной операции, он неизменно отвечал: «А это вы как знаете. Моё дело — рубать».

Во время гражданской войны он «рубал» и беспрекословно слушался приставленных к нему и командовавших им Сталина и Ворошилова. После войны он был сделан чем-то вроде инспектора кавалерии. В конце концов как-то решили пустить его на заседание знаменитого Политбюро. Моя память точно сохранила это забавное событие.

На заседании Политбюро очередь доходит до вопросов военного ведомства. Я распоряжаюсь впустить в зал вызванных военных, и в том числе Будённого. Будённый входит на цыпочках, но сильно грохоча тяжёлыми сапогами. Между столом и стеной проход широк, но вся фигура Будённого выражает опасение — как бы чего не свалить и не сломать. Ему указывают стул рядом с Рыковым. Будённый садится. Усы у него торчат, как у таракана. Он смотрит прямо перед собой и явно ничего не понимает в том, что говорится. Он как бы думает: «Вот поди ж ты, это и есть то знаменитое Политбюро, которое, говорят, всё может, даже превратить мужчину в женщину».

Между тем с делами Реввоенсовета кончено. Каменев говорит: «Со стратегией покончили. Военные люди свободны». Сидит Будённый, не понимает таких тонкостей. И Каменев тоже чудак: «Военные люди свободны». Вот если бы так: «Товарищ Будённый! Смирно! Правое плечо вперёд, шагом марш!» Ну, тогда всё было бы понятно. Тут Сталин с широким жестом гостеприимного хозяина: «Сиди, Семён, сиди». Так, выпучив глаза и по-прежнему глядя прямо перед собой, просидел Будённый ещё два-три вопроса. В конце концов я ему объяснил, что пора уходить.

Потом Будённый стал маршалом, а в 1943 году даже вошёл в Центральный Комитет партии. Правда, это был ЦК сталинского

призыва, и если бы Сталин обладал чувством юмора, он бы заодно, по примеру Калигулы, мог бы ввести в Центральный Комитет и буденновского коня. Но Сталин чувством юмора не обладал³.

Надо добавить, что во время советско-германской войны ничтожество и Ворошилова и Будённого после первых же операций стало так очевидно, что Сталину пришлось их отправить на Урал готовить резервы.

<...>

Пора поговорить о товарище Сталине... Образ жизни ведёт чрезвычайно нездоровый, сидячий. Никогда не занимается спортом, какой-нибудь физической работой. Курит (трубку), пьёт (вино; предпочитает кахетинское). Во вторую половину своего царствования каждый вечер проводит за столом, за едой и питьём в компании членов своего Политбюро. Как при таком образе жизни он дожил до 73 лет, удивительно.

Всегда спокоен, хорошо владеет собой. Скрытен и хитёр чрезвычайно. Мстителен необыкновенно. Никогда ничего не прощает и не забывает — отомстит через двадцать лет. Найти в его характере какие-либо симпатичные черты очень трудно — мне не удалось.

Постепенно о нём создались мифы и легенды. Например, о его необыкновенной воле, твёрдости и решительности. Это — миф. Сталин — человек чрезвычайно осторожный и нерешительный. Он очень часто не знает, как быть и что делать. Но он и виду об этом не показывает. Я очень много раз видел, как он колеблется, не решается и скорее предпочитает идти за событиями, чем ими руководить.

Умен ли он? Он неглуп и не лишён природного здравого смысла, с которым он очень хорошо управляется.

Например, на заседаниях Политбюро всё время обсуждаются всякие государственные дела. Сталин малокультурен и ничего дельного и толкового по обсуждаемым вопросам сказать не может. Это очень неудобное положение. Природная хитрость и здравый смысл позволяют ему найти очень удачный выход из положения. Он следит за прениями, и когда видит, что большинство членов Политбюро склонилось к какому-то решению, он берёт слово и от себя в нескольких кратких фразах предлагает принять то, к чему, как он заметил, большинство склоняется. Делает это он в простых словах, где его невежество особенно проявиться не может (например: «Я думаю, надо принять предложение товарища Рыкова; а то, что предлагает товарищ Пятаков, не выйдет это,

товарищи, не выйдет»). Получается всегда так, что хотя Сталин и прост, говорит плохо, а вот то, что он предлагает, всегда принимается. Не проникая в сталинскую хитрость, члены Политбюро начинают видеть в сталинских выступлениях какую-то скрытую мудрость (и даже таинственную). Я этому обману не поддаюсь. Я вижу, что никакой системы мыслей у него нет; сегодня он может предложить нечто совсем не вяжущееся с тем, что он предлагал вчера; я вижу, что он просто ловит мнение большинства. Что он плохо разбирается в этих вопросах, я знаю из разговоров с ним «дома», в ЦК. Но члены Политбюро поддаются мистификации и в конце концов начинают находить в выступлениях Сталина смысл, которого в них на самом деле нет.

Сталин малокультурен, никогда ничего не читает, ничем не интересуется. И наука и научные методы ему недоступны и не интересны. Оратор он плохой, говорит с сильным грузинским акцентом. Речи его очень мало содержательны. Говорит он с трудом, ищет нужное слово на потолке. Никаких трудов он в сущности не пишет; то, что является его сочинениями, это его речи и выступления, сделанные по какому-либо поводу, а из стенограммы потом секретари делают нечто литературное (он даже и не смотрит на результат: придать окончательную статейную или книжную форму — это дело (секретарское). Обычно это делает Товстуха.

Ничего остроумного Сталин никогда не говорит. За все годы работы с ним я только один раз слышал, как он пытался пошутить... К искусству, литературе, музыке Сталин равнодушен. Изредка пойдёт послушать оперу — чаще слушает «Аиду»⁴.

Женщины. Женщинами Сталин не интересуется и не занимается. Ему достаточно своей жены, которой он тоже занимается очень мало. Какие же у Сталина страсти?

Одна, но всепоглощающая, абсолютная, в которой он целиком, — жажда власти. Страсть маниакальная, азиатская, страсть азиатского сатрапа далёких времён. Только ей он служит, только ею всё время занят, только в ней видит цель жизни.

Конечно, в борьбе за власть эта страсть полезна. Но всё же на первый взгляд кажется трудно объяснимым, как с таким скудным арсеналом данных Сталин смог прийти к абсолютной диктаторской власти.

Проследим этапы этого восхождения. И нас ещё более удивит, что отрицательные качества были ему более полезны, чем положительные.

Начинает Сталин как мелкий провинциальный революционный агитатор. Ленинская большевистская группа профессиональных революционеров ему совершенно подходит — здесь полагается не работать, как все прочие люди, а можно жить на счёт какой-то партийной кассы. К работе же сердце Сталина никогда не лежало. Есть известный риск: власти могут арестовать и выслать на север под надзор полиции. Для социал-демократов дальше эти репрессии не идут (с эсерами, бросающими бомбы, власти поступают гораздо более круто). В ссылке царские власти обеспечивают всем необходимым; в пределах указанного городка или местности жизнь свободная; можно и сбежать, но тогда переходишь на нелегальное положение. Всё ж таки жизнь рядового агитатора гораздо менее удобна (и ходу его немного), чем жизнь лидеров — Лениных и Мартовых в Женеве и Парижах: вожди уж совсем отказываются подвергать каким-либо неудобствам свои драгоценные персоны.

Лидеры в эмиграции заняты постоянно поисками средств — и для своей драгоценной жизни и для партийной деятельности. Средства дают и братские коммунистические партии (но скудно и нехотя), буржуазные благодетели. Например, Буревестник (он же Максим Горький), вращающийся в Московском Художественном театре, помог артистке МХАТа Андреевой пленить миллионера Савву Морозова, и золотая манна через Андрееву идёт в ленинскую кассу. Но этого мало, всегда мало. Анархисты и часть социалистов-революционеров нашли способ добывать нужные средства — просто путём вооружённых ограблений капиталистов и банков. Это на революционном деловом жаргоне называется «экс-ами» (экспроприациями). Но братские социал-демократические партии, давно играющие в респектабельность и принимающие часто участие в правительствах, решительно отвергают эту практику. Отвергают её и русские меньшевики. Нехотя делает декларации в этом смысле и Ленин. Но Сталин быстро соображает, что Ленин только вид делает, а будет рад всяким деньгам, даже идущим от бандитского налёта. Сталин принимает деятельное участие в том, чтобы соблазнить некоторых кавказских бандитов и перевести их в большевистскую веру. Наилучшим завоеванием в этой области является Камо Петросян, головорез и бандит отчаянной храбрости. Несколько вооружённых ограблений, сделанных бандой Петросяна, приятно наполняют ленинскую кассу (есть трудности только в размене денег). Натурально Ленин принимает эти деньги

с удовольствием. Организует эти ограбления петросьяновской банды товарищ Сталин. Сам он в них из осторожности не участвует.

(Кстати, трус ли Сталин? Очень трудно ответить на этот вопрос. За всю сталинскую жизнь нельзя привести ни одного примера, когда он проявил бы храбрость, ни в революционное время, ни во время гражданской войны, где он всегда командовал издалека, из далёкого тыла, ни в мирное время.) Ленин чрезвычайно благодарен Сталину за его деятельность и не прочь подвинуть его по партийной лестнице; например, ввести в ЦК. Но сделать это на съезде партии нельзя, делегаты скажут: «То, что он организует для партии вооружённые ограбления, очень хорошо, но это отнюдь не основание, чтобы вводить его в лидеры партии». Ленин находит нужный путь: в 1912 году товарищ Сталин «кооптируется» в члены ЦК без всяких выборов. Поскольку он затем до революции живёт в ссылке, вопрос о нём в партии не ставится. А из ссылки с февральской революцией он возвращается в столицу уже как старый член ЦК.

Известно, что ни в первой революции 1917 года, ни в Октябрьской Сталин никакой роли не играл, был в тени и ждал. Через несколько времени после взятия власти Ленин назначил его наркомом двух наркоматов, которые, впрочем, по ленинской мысли были обречены на скорый слом: наркомат рабоче-крестьянской инспекции, детище мертворождённое, который Ленин думал реорганизовать, соединив с ЦКК (что и было потом проделано), и наркомат по делам национальностей, который должен был тоже быть упразднён, передав свои функции Совету национальностей ЦИКа. Что думал Ленин о Сталине, показывает дискуссия, происшедшая на заседании, где Ленин назначал Сталина Наркомнацем. Когда Ленин предложил это назначение, один из участников заседания предложил другого кандидата, доказывая, что его кандидат человек толковый и умный. Ленин перебил его: «Ну, туда умного не надо, пошлём туда Сталина».

Наркомом Сталин только числился — в наркоматы свои почти никогда не показывался. На фронтах гражданской войны его анархическая деятельность очень спорна, а во время польской войны, когда всё наступление на Варшаву сорвалось из-за невыполнения им и его армиями приказов главного командования, и просто вредна. И настоящая карьера Сталина начинается только с того момента, когда Зиновьев и Каменев, желая захватить наследство Ленина и организовав борьбу против Троцкого, избрали Сталина как

союзника, которого надо иметь в партийном аппарате. Зиновьев и Каменев не понимали только одной простой вещи — партийный аппарат шёл автоматически и стихийно к власти. Сталина посадили на эту машину, и ему достаточно было всего лишь на ней удержаться — машина сама выносила его к власти. Но правду сказать, Сталин кроме того сообразил, что машина несёт его вверх, и со своей стороны проделывал для этого всё, что было нужно.

Сам собой напрашивается вывод, что в партийной карьере Сталина до 1925 года гораздо большую роль сыграли его недостатки, чем достоинства. Ленин ввёл его в Центральный Комитет в своё большинство, не боясь со стороны малокультурного и политически небольшого Сталина какой-либо конкуренции. Но по этой же причине сделали его генсеком Зиновьев и Каменев: они считали Сталина человеком политически ничтожным, видели в нём удобного помощника, но никак не соперника.

Не будет никаким преувеличением сказать, что Сталин — человек совершенно аморальный. Уже Ленин был аморальным субъектом, к тому же с презрением отвергавшим для себя и для своих профессиональных революционеров все те моральные качества, которые по традициям нашей старой христианской цивилизации мы склонны считать необходимым цементом, делающим жизнь общества возможной и сносной: порядочность, честность, верность слову, терпимость, правдивость и т. д.

По Ленину, всё это мораль буржуазная, которая отвергается; морально лишь то, что служит социальной революции, другими словами, что полезно и выгодно коммунистической партии. Сталин оказался учеником, превзошедшим учителя. Тщательно разбирая его жизнь и его поведение, трудно найти в них какие-либо человеческие черты. Единственное, что я мог бы отметить в этом смысле, это некоторая отцовская привязанность к дочке — Светлане. И то до некоторого момента. А кроме этого, пожалуй, ничего.

Грубость Сталина. Она была скорее натуральной и происходила из его малокультурности. Впрочем, Сталин очень хорошо умел владеть собой и был груб, лишь когда не считал нужным быть вежливым. Интересны наблюдения, которые я мог сделать в его секретариате. Со своими секретарями он не был нарочито груб, но если, например, он звонил, и курьерша была в отсутствии, (относила, например, куда-нибудь бумаги), и на звонок появлялся в его кабинете Мехлис или Каннер, Сталин говорил только одно слово: «чаю» или «спички». Помощники говорили ему «вы» и на-

звали его не по имени-отчеству, а обращаясь к нему, говорили «товарищ Сталин». Он говорил «ты» и Товстухе, и Мехлису, и Каннеру. Только мне он говорил «вы», а я был моложе всех. Никакой привязанности ни к одному из его сотрудников у него не было, но он ценил их по степеням полезности; и надо сказать, что все оказывали ему большие услуги — Каннер по делам почти уголовным, Товстуха тоже по делам довольно мрачным, Мехлис, которого он вначале не очень ценил, сделал всё нужное, чтобы Сталин стал «великим и гениальным». И я был очень нужен как секретарь Политбюро. Всё же отношение ко мне было не то, что к другим. Остальные помощники были «его» люди, преданные и державшиеся за свои места. Я был не «свой», ни преданности, ни уважения к Сталину у меня никаких не было, и я представлял для него некоторую загадку — я совсем не держался ни за место, ни за причастность к власти.

Только один раз он попытался быть со мной грубым. Это было на заседании Политбюро. Как всегда, я записываю резолюции на картонной карточке и передаю её ему через стол, а он, прочтя, возвращает её мне. По каким-то разногласиям с членами Политбюро (не имевшим ко мне ни малейшего отношения) он рассердился и хотел показать членам Политбюро своё плохое расположение духа. Для этого он не нашёл ничего лучшего, как не возвращать мне через стол карточки, а швырять их через стол. Моя реакция была немедленной — следующую карточку я тоже не передал ему через стол, а бросил. Он удивлённо посмотрел на меня и сразу перестал бросать карточки.

Он совсем перестал понимать меня, когда в один прекрасный день в результате моей внутренней эволюции, став антикоммунистом, я потерял желание быть полезным винтиком этой политбюровской машины. Я сказал ему, что хотел бы перейти работать в Наркомфин (Сокольников предлагал мне руководить Финансово-экономическим бюро Наркомфина, заменившим Учёный совет царского министерства финансов). Сталин удивился: «Почему?» Настоящую причину я ему, конечно, сказать не мог, и ответил, что хотел бы усовершенствоваться в государственных делах финансово-экономического порядка. Он ответил, что я могу это делать, продолжая мою работу, и она от этого только выиграет. «И потом, партия поручает вам очень важную и ответственную работу; нет никакого резона от неё отказываться». Я начал работать и в Наркомфине (я дальше об этом расскажу), но для Сталина, для

которого власть была всё, моё равнодушие к власти и готовность от неё уйти, были загадкой. Он видел, что во мне чего-то не понимает. Может быть, поэтому он был всегда со мной отменно вежлив.

В те времена (20-е годы) Сталин ведёт очень простой образ жизни. Одет он всегда в простой костюм полувоенного образца, сапоги, военную шинель. Никакого тяготения ни к какой роскоши или пользованию благами жизни у него нет. Живёт он в Кремле, в маленькой, просто меблированной квартире, где раньше жила дворцовая прислуга. В то время как Каменев, например, знает уже толк в автомобилях и закрепил за собой превосходный Роллс-Ройс, Сталин ездит на мощном, но простом Руссо-Балте (впрочем, дорог для автомобилей нет, ездить можно практически только по Москве, а выехать за город можно только чуть ли не по одному Ленинградскому шоссе). Конечно, для него, как и для других большевистских лидеров, вопрос о деньгах никакой практической роли не играет. Они располагают всем без денег — квартирой, автомобилем, проездами по железной дороге, отдыхами на курортах и т. д. Еда готовится в столовой Совнаркома и доставляется на дом.

<...>

